

*Книжная полка***САМОПОЖИРАНИЕ ВЛАСТИ, ОСКУДЕНИЕ МЫСЛИ,
ПОДЛИННАЯ ЖИЗНЬ И ВИДЕНИЕ БОГА
(Рецензия на книгу: Лихачев Д. Мысли о жизни:
воспоминания. — СПб.: Азбука, 2014)***В.П. Макаренко**Южный федеральный университет*

Аннотация: Автор реконструирует непривычные для современного массового сознания России идеи книги Д.С. Лихачева, связанные с его опытом жизни в СССР.

Ключевые слова: мемуары, Д.С. Лихачев, политика ностальгии по советскому прошлому.

Ханна Арендт сформулировала идею о радикальной противоположности между истинной и государственной политикой и показала, что вся история России в XX веке может рассматриваться как клинический пример подтверждения этой идеи [Арендт 2014]. Ю. Нагибин в конце XX в. констатировал: «Почти все советские люди — психические больные. Их неспособность слушать, тёмная убеждённость в кромешных истинах, душевная стиснутость и непроветриваемость носят патологический характер» [Нагибин 1996: 414]. Однако российская система организованной лжи со времени телецикла «Старых песен о главном» культивирует все эти качества [Гудков 2007: 159–160]. Способствуют ли книги их обнаружению и описанию?

В советское время книги продавались в специализированных магазинах и журнально-книжных киосках на улицах и в вокзалах. После перехода к рынку книги продаются везде, в том числе в супермаркетах. Поэтому во время покупки провизии стало возможно удовлетворять и книжную страсть. Правда, научных книг в супермаркетах я пока не встречал. Зато время от времени там попадаются книги уважаемых академиков.

Книгу Д.С. Лихачева я купил во время очередного посещения магазина «Кооператор Дона», который расположен на Ворошиловском проспекте. Мы ходим туда с женой примерно раз в месяц запастись продуктами. Взяв книгу в руки и бегло её перелистывая, я наткнулся на фрагмент: один из героев книги назвал историю современной России кинематографом и хотел досмотреть, чем всё это кончится [Лихачев 2014: 360]. Я вместе со своими ровесниками прожил в СССР 47 лет. На протяжении последних двадцати лет смотрю и размышляю, закончилось ли кино. Для усиления этой привычки положил книгу в корзину.

В период перестройки в газетах и журналах публиковались статьи о том, что в СССР пора отменить паспорта и называли их видом крепостной зависимости. Из книги Лихачева я узнал, что в первой советской энциклопедии паспорт определялся как орудие классового угнетения [Там же: 318]. Попутно вспомнил несколько фактов: в СССР существовало классовое господство государственной бюрократии над населением; Россия объявила себя правопреемницей СССР; на протяжении последних 15 лет в России произошёл очередной обмен паспортами; нынешняя российская власть использует паспорта для обострения ирредентизма на пограничных территориях сопредельных государств. Возникает вопрос: в каком смысле современная паспортизация жителей России и сопредельных государств является орудием воспроизводства советского классового угнетения?

Во время службы в Советской армии я с ровесниками орал песню: «Недаром Ладога родная дорогой жизни названа». Из чтения книги узнал, что дорога через Ладожское озеро называлась дорогой смерти, а вовсе не дорогой жизни, как назвали её впоследствии советские писатели [Там же: 387]. Однако песня о Ладоге как «дороге жизни» существует до сих пор в Интернете. Значит, Интернет тоже задействован в воспроизводстве угнетения? По крайней мере, песню о Ладоге как дороге смерти я до сих пор не слышал, несмотря на политику ностальгии. Не исключено, что и нынешние российские солдаты поют о «дороге жизни».

Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев позволяет вдуматься в смысл современной политики ностальгии по советскому прошлому. Одна из целей его воспоминаний — развеять миф о том, что наиболее жестокое время репрессий наступило в 1936–1937 гг. По его мнению, будущая статистика арестов и расстрелов покажет, что волны арестов, казней и высылки надвинулись уже с начала 1918 г., ещё до официального объявления осенью этого года «красного террора», а затем прибой всё время нарастал до смерти Сталина. Пока в 1920–30-е гг. власть расстреливала крестьян — всё казалось «естественным». «Но затем началось „самопожирание власти“, оставившее в стране лишь самое серое и безличное — то, что пряталось, или то, что приспособлялось» [Там же: 387].

Одновременно Д.С. Лихачев сообщает, что в 1920–40 гг. ещё не было принято прикрывать политические дела уголовными. Эта манера наступила лишь после второй мировой войны и создания Декларации прав человека, когда советскому правительству во что бы то ни стало надо было снизить процент политических дел и политических заключённых [Там же: 274].

Означают ли эти факты, что тенденция преобразования политических дел в уголовные образует составную часть процесса самопожирания власти? Для ответа на него требуется сравнение советских и российских уголовных кодексов с уголовными кодексами других государств на протяжении XX века. Но при этом надо учесть, что в начале XX века на земле было чуть больше 60 государств, в конце века — уже 240. За сто лет — рост в четыре раза. За двадцать четыре постсоветских года на месте бывшего СССР возникло 15 государств. К тому же политическая бюрократия России способствует преобразованию осколков империи в «непризнанные государства» и инициирует обсуждение этой проблемы как «научной». Значит, самопожирание власти включает рост числа государств за счёт преобразования крупных государств в крохотные с одновременным распространением тюремной субкультуры.

Исследование этой субкультуры показало: «Государство само действует по тем же правилам, что используются россиянами для организации их повседневной жизни. Выражаясь аллегорически, государство — своего рода двойник „маленького“ общества, двойник-монстр. Двойник-монстр воплощает собой всё то, к чему каждый человек одновременно и стремится, и испытывает отвращение, чего он хочет достичь и от чего избавиться. Постсоветские люди с ненавистью относятся к государству, потому что оно воспроизводит логику группы „своих“ и

поэтому рассматривает граждан как „чужих“. Но в то же время постсоветские люди неспособны избавиться от такого государства, в котором материализуется их собственный образ жизни, их собственные взгляды и поведение. Навязанную или рассогласованную власть следует признать обратной стороной „маленького“ общества. То есть такое государство становится идеальным двойником-монстром „маленького“ общества» [Олейник 2001: 370]. Эту рабочую гипотезу можно использовать для преобразования общей тенденции в исследовательскую программу. Такое попутное следствие чтения книги Д.С. Лихачева.

В ней содержится также критика советских мифов. Ленинградская блокада — важный факт советской истории и политический миф одновременно, который эксплуатируется до сих пор. Д. Лихачев описывает хронику событий для исследования взаимосвязи между фактами и мифом.

8 сентября 1941 года немцы разбомбили Бадаевские продовольственные склады. Одновременно руководство города ускоренно вывозило из Ленинграда продовольствие, не делало никаких попыток его рассредоточить (по примеру англичан в Лондоне) и жгло архивы. Немцы готовились к блокаде города. Советское руководство готовилось сдать его немцам. Затем наступил голод. Чтобы выжить, люди заявляли властям, что у них при бомбёжке пропали паспорта, получали новые паспорта, и обманным путём получали карточки и по старым, и по новым паспортам на эвакуированных, на мобилизованных, на убитых и умерших от голода [Лихачев 2014: 365–367]. Таким образом, советская паспортная система способствовала выживанию ленинградцев и одновременному культивированию всеобщей лжи как способа выживания. Не воспроизводится ли сегодня та же связь при выдаче российских паспортов жителям окрестных территорий?

Фигура моряка до сих пор является объектом героизации. Между тем в период блокады моряки особенно прославились в воровстве. Я не видел ещё ни одного кинофильма или спектакля, в котором бы моряк воровал (хотя бы на ролях второстепенного персонажа). Значит, советская героизация определённых групп воспроизводится до настоящего времени. Любопытно узнать, в чьих интересах это осуществляется?

Есть и более страшные факты. Людоедство в блокированном Ленинграде приобрело прямые и косвенные формы. По факту прямого людоедства преступники немедленно расстреливались. Но косвенное людоедство стало распространенным явлением. Люди запирали в квартирах своих родных, те тихо умирали, а родственники пользовались их пайком. «Оставляли умирающих: матерей, отцов, жён, детей; переставали кормить тех, кого „бесполезно“ было кормить; выбирали, кого из детей спасти, покидали в стационарах, в больницах, на перроне, в промёрзших квартирах, чтобы спастись самим; обирали умерших — искали у них золотые вещи; выдирали золотые зубы; отрезали пальцы, чтобы снять обручальные кольца у умерших — мужа или жены; раздевали трупы на улице, чтобы забрать у них тёплые вещи для живых; отрезали остатки иссохшей кожи на трупах, чтобы сварить из неё суп для детей; покидаемые — оставались безмолвно, писали дневники и записки, чтобы после хоть кто-нибудь узнал о том, как умирали миллионы. Разве страшны были вновь начинавшиеся обстрелы и налёты немецкой авиации? Кого они могли напугать? Сытых ведь не было. Только умирающий от голода живёт настоящей жизнью, может совершить величайшую подлость и величайшее самопожертвование, не боясь смерти. И мозг умирает последним: тогда, когда умерла совесть, страх, способность двигаться, чувствовать у одних и когда умер эгоизм, чувство самосохранения, трусость, боль — у других» [Там же: 391, 398–399].

Похороны тоже становились проблемой. Надо было отдать несколько буханок хлеба за могилу. Гробы не делали вообще, а могилами торговали. В промёрзшей земле трудно было копать могилы для новых и новых трупов. «И могильщики торговали могилами уже „исполь-

зованными“, хоронили в могиле, потом вырывали из неё покойника и хоронили второго, потом третьего, четвёртого и т. д., а первых выбрасывали в общую могилу» [Там же: 402].

На фоне этих фактов Д. Лихачев формулирует выношенную им на протяжении жизни идею любви к Родине. Он возводит её ещё к опыту жизни в дореволюционной России. «Многие убеждены, что любить Родину — это гордиться ею. Нет! Я воспитывался на другой любви — любви-жалости. Неудачи русской армии на фронтах Первой мировой войны ... ранили моё мальчишеское сердце. Я только и мечтал о том, что можно было бы сделать, чтобы спасти Россию. Обе последующие революции волновали меня главным образом с точки зрения положения нашей армии» [Там же: 120]. Иначе говоря, у академика любовь к Родине производна от любви к армии и сострадания её поражениям.

Есть и второй источник любви к Родине. Чем шире развивались гонения на церковь и чем многочисленнее были расстрелы, — пишет Лихачев, — «...тем острее и острее ощущалась всеми нами жалость к погибающей России. Наша любовь к Родине меньше всего походила на гордость Родиной, её победами и завоеваниями. Сейчас это многим трудно понять. Мы не пели патриотические песни, — мы плакали и молились» [Там же: 121–122].

Короче говоря, плач и молитва — таково ядро подлинного патриотизма. Представление Д. Лихачева о настоящей жизни является синтезом исторических фактов, плача, молитвы и любви к Родине в бесчеловечных обстоятельствах. «Я думаю, что подлинная жизнь — это голод, всё остальное мираж. В голод люди показали себя, обнажились, освободились от всяческой мишуры: одни оказались замечательные, беспримерные герои, другие — злодеи, мерзавцы, убийцы, людоеды. Середины не было. Всё было настоящее. Разверзлись небеса, и в небесах был виден Бог. Его ясно видели хорошие. Совершались чудеса» [Там же: 394–395].

Среди таких чудес пришлось жить Д. Лихачеву. Советская тюрьма тоже стимулировала чудо. На основе собственного тюремного опыта покойный академик формулирует концепт творчества как духовного сопротивления. В книге есть раздел «Люди Соловков». В нём подробно рассказано о людях, с которыми пришлось «тянуть срок» Д. Лихачеву и которые оставили след в его жизни. Среди них были переводчики, статс-фрейлины императрицы Александры Федоровны, доктора Сорбонны, профессора, художники, поэты, юристы, инженеры, лекторы и им подобные интеллигенты. Все они являются примерами духовного сопротивления. Они пытались преодолеть ужасы лагеря с помощью творчества — писали романы и стихи, читали лекции, занимались самосовершенствованием и т. д. «Это было настоящее сопротивление, — пишет Д. Лихачев, — но не с оружием в руках, а сопротивление творчеством, которого всех нас хотели лишить» [Там же: 279]. Потомственные крестьяне тоже занимались творчеством — с любовью и профессиональным умением строили и отстраивали после пожара бараки, ухаживали за коровами и т. д.

Но наиболее репрезентативным примером духовного сопротивления и творчества являются философы — профессиональные и самобытные, с явным приоритетом последних: «Если бы пришлось мне назвать людей, — пишет Лихачев, — крепче всех сопротивлявшихся не только советской власти, но просто „духу времени“, то это был Бардыгин. Все мы в той или мной мере были сломлены ... Мы были сломлены хотя бы потому, что значительную часть своей духовной жизни посвящали отстаиванию своего права мыслить по-своему, — мы возражали, возмущались и т. д. Мы были диссидентами тех времён. Бардыгина же ничто не касалось. Он был целиком погружен в свой философский и религиозный мир. Он не удостаивал своим вниманием ни то, что с ним происходило, ни тех, кто мешал жизни его внутреннего мира.

Всякий борющийся за свою независимость уже тем самым зависим. Для Бардыгина же просто не существовало ничего, что было вне его исканий, и его общение с окружающими

его философами и духовными лицами не выходило за рамки его внутреннего мира. Он был непобедим, а поэтому, мне кажется, более всего опасен для властей» [Там же: 295–296].

Академик Д.С. Лихачев подчёркивает: «Настоящее оскудение мысли началось уже после лагерей. Люди рассеялись по стране. Кто умер, кто опустился. Все жили в одиночку, боялись говорить и даже думать. Уходило и здоровье» [Там же: 315].

Среди нравственно-философских эталонов упоминается и наш земляк: философ из Ростова-на-Дону — Владимир Сергеевич Раздольский, «...с которым мы жили в одной камере и увлечённость которого философскими размышлениями меня всегда поражала». Д. Лихачев упоминает его невоспитанность и банальный итог жизни в столице: после освобождения Раздольский поселился в Москве и спился [Там же: 228, 297, 317]. Двое моих московских друзей детства тоже спились. Это натолкнуло меня на вопрос: сколько бывших философов поспивались в столице? Такой статистики я пока не нашёл. Однако пример В. Ерофеева подсказывает: сама пьянка может быть трансцендентальным стимулом для создания художественных шедевров...

Такие чудеса нам предстоит осмысливать, чтобы реализовать нынешний лозунг ностальгии по СССР. При этом надо учесть констатацию выдающегося учёного: «Большая эрудиция при недостатке обобщающих способностей может играть даже в известной мере отрицательную роль. Эрудиция укрепляет человека в его уверенности в собственной правоте, мешает его пониманию нового, непривычного» [Там же: 239]. Обнаружить новое и непривычное в советской истории — главный урок, который я вынес из чтения книги Д.С. Лихачева.

Арендт Х. 2014. *Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли*. / Пер. с англ. и нем. Д. Аронсона. — М.: Изд-во Института Гайдара.

Гудков Л.Д. 2007. *Проблема «элиты» в современной России. Размышления над результатами социологического исследования*. — М.: Фонд «Либеральная миссия».

Лихачев Д. 2014. *Мысли о жизни: воспоминания*. — СПб.: Азбука.

Нагибин Ю. 1996. *Дневник*. — М.: Книжный сад.

Олейник А.Н. 2001. *Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти*. — М.: ИНФРА-М.